
Евгений БЕРКОВИЧ

«ЭТОТ НИЧТОЖНЫЙ МАРТЕНС»

История дружбы-вражды Томаса Манна и Курта Мартенса

На этапе становления Томаса Манна как писателя Курт Мартенс входил в число его самых близких, если не друзей, то партнеров по переписке. В автобиографическом «Очерке моей жизни» ему посвящены следующие строки:

Взаимная симпатия связывала меня с автором романов и новелл Куртом Мартенсом, живо рассказывающим в своих «Воспоминаниях» об этой дружбе, почин которой исходил от него. Он один из тех немногих — пересчитать их можно по пальцам одной руки — людей, с которыми я за всю свою жизнь был на «ты» [1, с. 104].

Заочное знакомство молодых людей состоялось в мае 1899 года, когда Томас Манн, в то время сотрудник редакции журнала «Simplicissimus», сообщил начинающему писателю Курту Мартенсу, что его зарисовка «Скрипач Джон Баринг» принята редакцией и будет опубликована. В этом письме от 23 мая 1899 года стоит стандартное безличное обращение «Geehrter Herr» — «уважаемый господин» [2, S. 186]. Достаточно быстро молодые люди познакомились лично. У них было много общего: оба из уважаемых, обеспеченных семей, оба начинающие писатели (Томас работал тогда над «Будденброками», у Курта недавно вышел «Роман эпохи декаданса»), оба лишь недавно приехали в Мюнхен (Томас из Любека, Курт из Берлина), оба не были чужды гомоэротике. В Мюнхене они жили в богемном районе Швабинг, недалеко друг от друга. По письмам Томаса Манна видно, как постепенно шло сближение.

В следующем письме от 7 июня, тоже достаточно официальном, в обращении уже указывается фамилия: Verehrter Herr Martens («уважаемый господин Мартенс») [2, S. 187]. Но уже через месяц, 8 июля 1899 года, сухое обращение «уважаемый» сменяется на более теплое «дорогой»: «Lieber Herr Martens» («дорогой господин Мартенс») [2, S. 187].

Евгений Михайлович Беркович — публицист, историк науки и литературы, издатель. Окончил физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат физико-математических наук, доктор естественных наук (Германия). Создатель и главный редактор журнала «Семь искусств» и ряда других сетевых изданий. Автор книг «Заметки по еврейской истории» (М., 2000), «Банальность добра. Герои, праведники и другие люди в истории холокоста» (М., 2003), «Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века» (М., 2017), «Революция в физике и судьбы ее героев. Альберт Эйнштейн в фокусе истории XX века» (М., 2018), «Альберт Эйнштейн и „революция вундеркиндов“» (М., 2021) и др. Публиковался в журналах «Нева», «Новый мир», «Знамя», «Иностранная литература», «Вопросы литературы», «Человек» и многих других изданиях. Дважды лауреат Беляевской премии за просветительскую деятельность.

Потребовалось без малого четыре года, чтобы исчезло официальное «господин», и обращение стало более сердечным: «дорогой Мартенс» (Lieber Martens). Первый раз это произошло 27 июня 1903 года [2, S. 209].

До сих пор во всех письмах общение шло на вежливое «Вы». И только 2 апреля 1904 года первый раз Томас Манн обратился к собеседнику на «ты» [2, S. 213]. Если не считать братьев Пауля и Карла Эренбергов, Мартенс был единственным человеком в Мюнхене, удостоившимся такого интимного обращения от уже знаменитого автора «Будденброков».

Нетрудно понять, с чем связан этот переход от сухого «Вы» к сердечному «ты». В письме от 2 апреля 1904 года упоминается одно «дело», из-за которого Томас потерял внутренний покой. И хотя в письме об этом «деле» больше не говорится, но по пометкам в «Записных книжках» ясно, что речь идет о сватовстве к Кате Прингсхайм. В седьмой «Записной книжке» на странице 129 есть помета: «Суббота 9-го апреля: большая беседа с К. П.» [3, S. 98]. Под К. П. здесь понимается, конечно, Катя Прингсхайм. Именно тогда Томас предложил ей «руку и сердце». И этим важнейшим для него событием он поделился с Куртом Мартенсом, о чем впоследствии не раз жалел.

Поначалу у молодых людей не было тайн друг от друга. Не была запретной и тема гомоэротики, каждый имел в этой сфере свой опыт, у Курта он был связан с пребыванием в интернате для мальчиков [2, S. 179]. Мартенс был на пять лет старше Томаса и уже успел жениться, в его семье росла дочь Герта (Herta), Томас Манн был гостем на даче Мартенсов в курортном городке Бад-Кройте (Bad Kreuth) в Верхней Баварии. Герта звала его дядей [2, S. 178]. Судя по его воспоминаниям, вошедшим в книгу «Беспощадная летопись жизни» [4], Курт Мартенс вел в молодости довольно беспорядочную сексуальную жизнь. Брак для него был средством стать солидным и уважаемым членом общества, без чего немыслима профессия писателя. Та же проблема встала и перед Томасом Манном, когда в 1903 году завершился его многолетний мужской роман с Паулем Эренбергом. Неудивительно, что в это время он доверял Курту Мартенсу самые интимные подробности сложных отношений с Катей Прингсхайм.

Через месяц и неделю после первого серьезного разговора с Катей, в понедельник 16 мая 1904 года, состоялась вторая важная беседа, о которой в седьмой «Записной книжке» появилась запись:

Понедельник, 16 мая: второй серьезный разговор с К. П. С четверга 9 мая начинается испытательный срок [3, S. 101].

Насколько откровенным был Томас в переписке с Мартенсом, можно судить по письму от 14 апреля 1904 года:

Дорогой Мартенс:

сердечное спасибо за твою открытку с сочувственным посланием! Как я себя чувствую? Глубоко несчастным. Она [Катя] ушла, уехала к серьезно больному отцу в Киссинген, там же находится и ее мать. Недавно все еще было чудесно. Я каждый второй день проводил с ней. Тогда в последний вечер перед отъездом ее славный маленький брат-близнец позволил нам полчаса побыть наедине. Это было несказанно теплое и мучительное прощание, которое я помню всем своим существом и чувствами, но которое снова закончилось без положительного результата. Она не может, не может об этом думать, не может решить. Пока не нужно принимать решения, по ее собственным словам, ей все представляется легким, естественным и само собой разумеющимся, но когда доходит до дела, она смотрит на меня как загнанный олень и не способна ни на что... Один невропатолог и хороший психо-

лог, доктор Зайф, которому, как и остальному миру, так и так было все известно и с которым я приватно говорил об этом деле, подтвердил мне (я и так уже давно предполагал), что этот страх принять окончательное решение есть хорошо известный науке вид болезни. Если я не буду очень дипломатичен и крайне осторожен в этом вопросе, то его опыт подсказывает, что ничего из нашей помолвки не получится. Утром во вторник я был у поезда, принес ей цветы и, пока Клаус замешкался, расплачиваясь с носильщиком, я нашел возможность сказать ей, как мне грустно. Ей тоже немного? Да, немного. Очень осторожно. Но она нежно пожала мне руку и смотрела только на меня, пока поезд отходил от перрона. Мне хотелось умереть. Снова разлука на почти непредсказуемое время. Она остается в Киссингене, потом мелькнет на миг в Мюнхене и отправится с матерью на остаток лета в Швейцарию. Осенью она будет у родственников на Севере Германии. Разве это не повод отчаяться? [5, S. 50–51].

Как и многие другие обстоятельства сватовства автора к Кате Прингсхайм, страх будущей невесты принять окончательное решение нашел отражение в «Королевском высочестве». Подобные чувства охватывали Имму Шпельман:

Она смотрела на него, ее огромные глаза темнели от трепетного вопроса, видно было, что и она борется. Но потом она встряхивала головой или, выпятив губки, в насмешку произносила высокопарную фразу и тем обрывала разговор, не в силах сломить себя и произнести то «да», пойти на ту жертву, о которой он молил и которая, при существующем положении вещей, собственно, ни в чем не заключалась и ни к чему ее не обязывала.

Она не запрещала ему приезжать два раза в неделю, не запрещала говорить, умолять и убеждать ее и время от времени подержать обеими руками ее руку. Но все это она только терпела, не сдаваясь, — казалось, ее страх перед решением, боязнь спуститься к нему из своего царства бесстрастной иронии непреодолимы [11, с. 101].

Большинство писем Томаса Манна, написанных летом и осенью 1904 года Кате Прингсхайм, не сохранились, они были переработаны и вошли в том или ином виде в роман «Королевское высочество». Но и те отрывки, что дошли до нас, показывают, что двадцатидевятилетний Томас нежно любил двадцатиоднолетнюю Катю, по крайней мере, это так естественно выглядит под пером будущего лауреата Нобелевской премии по литературе. Вот, к примеру, письмо середины августа 1904 года:

Катя, дорогая, любимая маленькая Катя, никогда я не был столь наполнен Вами, как в эти дни! Я верю, что услышу Ваш редкий, таинственный звук Вашего голоса, увижу передо мной блеск Ваших темных глаз, жемчужную белизну Вашего милого, умного, подвижного лица под черными волосами — и меня охватывает жгучее восхищение, и такая нежность бурлит во мне, которую ни описать, ни сравнить с чем-либо невозможно. А Вы? А Вы? [5, S. 52].

Эти чувства Томас не скрывал и от своего друга Мартенса, посвящая его в самые интимные детали своих переживаний. Откровенность автора «Будденброков» очень нравилась Курту, который всю жизнь гордился тем, что в молодости Томас Манн был ему близок. Посвящение Мартенсу новеллы «Тонио Крёгер» стало вершиной их отношений.

В «Беспощадной летописи жизни», написанной два десятилетия спустя, есть такое признание, не во всех деталях звучащее убедительно:

Томас Манн был мой человек. Я словно выиграл его в лотерею, и какое-то время он принадлежал только мне. Чувство дружбы с ним доставляло мне тихое, нежное счастье, которое всегда было со мной. Я полюбил его с первого слова и по своей воле сразу подчинился ему, более юному, так как он был более значительным, чем я, и к тому же очень скромным. Я верил в его особый высокий путь и в его будущее еще тогда, когда он сам боязливо и ошупью двигался вперед. С удовлетворением могу признаться, что никогда не ревновал его, напротив, праздновал его скорый взлет как свою победу. Как его предшественник я чувствовал, что то, чего он достиг, означало реализацию моих собственных художественных идеалов. Мне не хватало его выдержки, его пуританского рвения, его бойцовского стремления к совершенству. Жизнь отвлекала меня, парализовала и рассеивала концентрацию творческих сил. Жизнь, как правило, выделяет личности с высокими моральными качествами. Томас Манн сохранил в себе эти качества в редкой чистоте, возможно, это ему удалось легче, чем многим другим [4, S. 257].

К словам о том, что Мартенс «никогда не ревновал» друга, нужно отнестись критически. Курт долгое время считал, что по дарованию они с Томасом стоят на равных. Только после выхода «Будденброков» и триумфального приема романа читателями и критикой Мартенс признал талант Манна и его огромное преимущество как писателя над собой, однако в рецензиях на его произведения был сдержан в похвалах и нередко несправедлив в критике. Особенно часто Мартенс стал обсуждать работы Томаса и Генриха после того, как стал редактором отдела фельетонов мюнхенской газеты «Münchener Neuesten Nachrichten».

У Томаса Манна не было иллюзий относительно писательского дара Мартенса, довольно быстро он понял, что его новый друг как литератор слаб. Поэтому он никогда публично не рецензировал его произведения, ограничиваясь в письмах общими вежливыми похвалами, «*остальное при первой возможности устно*», как он написал 8 июля 1899 года по поводу упомянутого «Романа эпохи декаданса» [2, S. 188].

Один раз Томас Манн попросил Отто Граутофа написать рецензию на роман Мартенса «Завершение» («Vollendung»). Из Италии 26 ноября 1901 года Томас пишет своему школьному товарищу:

Дорогой! Только несколько срочных строк. Я тут пишу и читаю урывками. Речь идет о книге Курта Мартенса «Завершение»: не пиши ничего другого для «Новейших» [«Münchener Neuesten Nachrichten»], а обсуди роман, но только коротко. Это желание автора, и я сердечно хотел бы, чтобы с моим посредничеством это желание исполнилось. М. [Мартенс] написал обо мне в «Литер. эхо» заметку, которая выйдет с портретом. Это мне во всех смыслах полезно. Сейчас появилась первая возможность, мне немного отыграться. <...> Я настоятельно прошу еще раз: займись этим и посоветуй книгу читателям, самое лучшее, еще до Рождества [6, S. 139].

Это было последнее из сохранившихся писем Томаса Манна Граутофу, с которым раньше писатель был очень откровенен. То ли дружба кончилась, то ли письма пропали. Следующие пять лет не оставили вообще ни одного письма, а после 1906 года сохранились лишь несколько малозначащих открыток и записок [6, S. XIII].

О сходстве и различии творческих подходов своего и Мартенса Томас высказался достаточно откровенно в письме Курту от 19 декабря 1901 года (в это время они еще на «Вы»):

Вчера я исписал целый большой лист о Вашем «Завершении». Но потом я все порвал. Я потерялся в анализе и глубоком психологическом копании, это стало меня раздражать, и я закончил. Я таков, и с этим ничего не поделаешь. **Но это нужно**

выразить в работе о романе. Не требуйте от меня, чтобы я стал Вашим критиком. Можете быть уверенным, что Ваша книга мне внутренне симпатична — при этом нужно помнить, что «симпатия» означает «сострадание». Наши маски, символы, художественные формы различны; таковы и наши изобразительные средства. Но мы в наших проблемах, внутренних конфликтах, замыслах и стремлениях — я верю, что не ошибаюсь, — по сути настолько родственны, насколько могут быть родственны два художника, родственны, прежде всего, в том, что мы оба в основе своей моралисты — не во французском смысле, а в очень немецком, очень антиромантическом, антииницианском... [2, S. 200].

Продолжая эту тему, Томас Манн формулирует главные недостатки романа Мартенса:

Что меня не устраивает в романе, так это отсутствие колоритности, живости, мимических деталей, короче (что примерно то же самое) — **юмора**. То, что Вам он не свойствен, и есть важнейшее различие между нами [2, S. 200] *(в обоих цитатах выделено автором письма)*.

В 1906 году вышел новый роман Курта Мартенса «Круговорот любви» («Kreislauf der Liebe»). Томас Манн откликнулся на него письмом от 16 апреля того же года (в это время друзья уже на «ты»). После общих слов о том, что книга могла бы служить документом эпохи начала XX века, Томас говорит о том, что мешает ему по-настоящему восхищаться романом. Это прежде всего сухость изложения, которому недостает

иронии, романтики, дерзости, возвышенности. «Возвышенность», вероятно, это как раз то слово, которое лучше всего выражает то, что имею в виду. Пусть это звучит излишне прямо и даже грубо, но я признаюсь тебе, что твоя книга далека от моего идеала. С точки зрения языка все правильно, но без возвышенности. Стилистические слабости и банальности пронизывают весь текст. Это не проза-поэзия, а чрезвычайно длинный роман [2, S. 231].

В девятой записной книжке Томаса Манна сохранилась его запись о новом романе Мартенса:

Должен признаться, что он подробно говорит те вещи, о которых я давным-давно уже сказал четче, сильнее и с большим блеском. Стилистически все правильно, но без возвышенности [3, S. 152].

Достаточно резкий, местами безжалостный текст письма Мартенсу от 16 апреля 1906 года объясняется, возможно, тем, что за месяц до его написания произошел эпизод, положивший конец дружеским отношениям Томаса и Курта. Дело в том, что 21 марта 1906 года Мартенс опубликовал в лейпцигской газете «Leipziger Tageblatt» статью «Братья Манн», в которой не удержался от критических шпилек в отношении обоих братьев. В рассуждениях о Томасе он упоминает такие отрицательные черты писателя, как «высокомерие», «железное человеконенавистничество», «равнодушие ко всему живому». Генриха автор статьи в «Leipziger Tageblatt» укоряет за «избыток свободы», «культ силы и чувственных наслаждений», «издевательские насмешки над повседневной жизнью».

Аргументы статьи Мартенса были слабыми, обвинения большей частью надуманными и несправедливыми, и единственная заслуга этой статьи состояла в том, что она вынудила Томаса Манна ответить Мартенсу огромным двенадцатистраничным пись-

мом [5, S. 61—65], в котором он подробно описал свой творческий метод — огромная удача для литературоведов и биографов писателя!

После статьи в «Leipziger Tageblatt» Томас Манн уже не доверял Мартенсу никаких сердечных тайн, но переписку не прекратил: Курт был удобным собеседником, так как много знал о литературной жизни Германии.

Дальнейшему охлаждению отношений между бывшими друзьями послужил выход в свет весной 1910 года книги Мартенса «Литература в Германии. Исследования и впечатления» [7]. В главе «Братья Манн», посвященной, кстати, его бывшему другу, с которым он оставался на «ты», Мартенс находит роман «Королевское высочество» «стилистически восхитительным», но вот сюжет считает «неважным», любовную историю «банальной», а конец романа оценивает как «поразительное падение в низину оптимизма» [7, S. 37]. Но эта уничижительная оценка — для Томаса Манна еще победы. Далее последовал грубый выпад в отношении Иммы Шпельман, явно направленный на ее прообраз — Катю Прингсхайм, только недавно ставшей Катей Манн. Эта подлая выходка особенно возмутила автора обсуждаемого романа, потому что Мартенс от него же знал все перипетии женитьбы на Кате и значение этого брака в жизни Томаса. Мартенс писал:

Каждый образ романа пропущен через более или менее едкий щелочной раствор иронии. Только произвольная комичность возлюбленной принца, довольно дерзкой, избалованной особы низшей расы, которая опирается на свое богатство и с гусиным гонором воспринимает гордость принца за ее математические штудии, почему-то остается не замеченной Томасом Манном, который, напротив, воспринимает ее серьезно и изображает с некоторым подобием уважения [7, S. 39].

Томас Манн ответил на эти выпады Мартенса в письме от 7 марта 1910 года [8, S. 190—191] (см. также [5, S. 83]). На упрек в падении в «низину оптимизма» он спокойно и уверенно заметил, что жаждал дельной критики, а возражать на подобные наскоки считает неблагоприятным занятием. Манн согласен с Мартенсом, что «Королевское высочество» — комедия, первая вышедшая из-под его пера. Как раз в то же время свою первую комедию со схожим сюжетом написал австрийский писатель Гуго фон Гофманшталь. Считать, что и он «упал в низину оптимизма», просто смешно.

Совершенно другим тоном говорит Томас с Куртом по поводу критики Иммы:

Ты меня разозлил. Во-первых, ты опять, в который раз, не можешь удержаться, чтобы не поговорить о новелле «Кровь Вельзунгов», чего я просил не делать, так как она не публиковалась и общественности не известна. Во-вторых, твоя критика «Иммы Шпельман» определенно носит личный характер. Я не могу себе представить, что ты, такой тонко чувствующий человек, не в состоянии понять, что к этой маленькой одинокой фигуре, чья пылкость столь симпатично мотивирована, определение «гусиная» так же не подходит, как принцу слово «ослиный». Случайно, не подумав, не по доброй воле ты не мог бы назвать ее дерзкой, произвольно комичной особой низшей (?) расы, и это жалко, так как я не смогу утаить твою книгу от жены, — а ведь мы так мило друг с другом могли бы общаться. Но ты хорошо знаешь, что делаешь [5, S. 83].

Окончательный разрыв между бывшими друзьями произошел в самом конце Первой мировой войны. Курт Мартенс опубликовал 10 октября 1918 года в газете «Münchener Neuesten Nachrichten», с которой он давно сотрудничал, рецензию на недавно вышедшую в свет книгу Томаса Манна «Размышления аполитичного». В тот же день в дневнике писателя появилась строчка: «В вечерней газете статья Мартенса. Ну-ну...» [9, S. 29].

Тогда же Томас послал газету со своим ироничным комментарием Эрнсту Бертраму, ставшему ему близким другом. Статью Мартенса Манн назвал «слабой и бабской». И уточнил далее: «Он не понимает ничего, о чем идет речь» [10, S. 80].

Мартенс не оставлял без внимания и другие работы братьев Манн. Томас уже не мог больше отзываться на его рецензии без раздражения. В дневнике от 12 января 1920 года появляется запись:

В «Neuesten» [«Münchener Neuesten Nachrichten»] фельетон этого ничтожного Мартенса о томике эссе Г. [Генриха] [9, S. 364–365].

Доклад Мартенса о революционной литературе Томас назвал «мелким» [9, S. 139], разговор с ним — «бесплодным» [9, S. 499], а его самого — «дубиной» [9, S. 305].

Переписка между ними полностью прекратилась в 1925 году.

Литература

[1] Т. Манн. Очерк моей жизни. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9, с. 93–143, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960.

[2] T. Mann. Briefe an Kurt Martens I. 1899–1907. Thomas Mann Jahrbuch, B. 3, S. 175–247, Frankfurt a. M., Vittorio Klostermann GmbH, 1990.

[3] T. Mann. Notizbücher: Edition in zwei Bänder, B. 2, Notizbücher 7–14, Hrsg. von Hans Wysling und Yvonne Schmidlin, Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1992.

[4] K. Martens. Schonungslose Lebenschronik. 1870–1900, Wien, Berlin, Leipzig, München: Rikola-Verlag, 1921.

[5] T. Mann. Briefe 1889–1936, hrsg. von Erika Mann, Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1961.

[6] Mann–Grautoff, Thomas Mann: Briefe an Otto Grautoff 1894–1901 und Ida Boy-Ed 1903–1928, hrsg. v. Peter de Mendelsohn, Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1975.

[7] K. Martens. Literatur in Deutschland: Studien und Eindrücke, Berlin: Fleischel Verlag, 1910.

[8] T. Mann. Briefe an Kurt Martens II. 1908–1935. В Thomas Mann Jahrbuch, B. 4, S. 185–260, Frankfurt a. M., Vittorio Klostermann GmbH, 1991.

[9] T. Mann. Tagebücher. 1918–1921. Herausgeben von Peter de Mendelsohn, Frankfurt a. M.: S. Fischer Verlag, 1979.

[10] I. Jens. Thomas Mann an Ernst Bertram. Briefe aus den Jahren 1910–1955. Hrsg., kommentiert u. m. Nachwort vers. v. Inge JENS, Pfullingen: Neske Verlag, 1960.

[11] Т. Манн. Королевское высочество. Роман. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2, с. 5–362, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959.